

«СКУЧНЫЙ ФЕДОР Т.»

Наталия Арлаускайте

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Теория литературы с самого своего зарождения в качестве научной дисциплины мучается над тем, как вписать в историю литературы литератора.

До сих пор, несмотря на усилия формалистов (в первую очередь, Юрия Тынянова, Бориса Эйхенбаума и Бориса Томашевского) и развитие их идей Юрием Лотманом, в том числе, в соавторстве с Борисом Успенским, проблема биографии литератора в ее соотношении с его творчеством остается преимущественно на уровне программы исследований. Так и не понятно, в каком именно месте текста расположить автора, надо ли это делать. Возможно, место автора вовсе не в самом произведении, и тогда опять – где?

Общим в размышлениях упомянутых филологов является противопоставление «писателя с судьбой» и без (Эйхенбаум)¹, писателей, обладающих «литературной личностью» и не обладающих ею (Тыня-

нов)², писателей, у которых есть «биографическая легенда» и нет (Томашевский)³. Все под литературной биографией подразумевали не столько *текст о* литераторе X, сколько *нарративизированное знание* об X как факте литературы. Юрий Лотман заметил, что *биография автора становится осознанным культурным фактом именно в те эпохи, когда понятие творчества отождествляется с лирикой*⁴.

Видимо, нашу эпоху трудно определить как «лирическую» в историко-литературном смысле. Те авторы, которые появляются сегодня, не нуждаются в литературной биографии. В свою очередь литературная биография не тождественна рекламной или авторекламной кампании. Так, например, о Виталии Кальпиди широко известно только то, что он с Урала: «имперское» литературное поле вполне

¹ См.: Эйхенбаум Б., «Литературный быт», «Литература и писатель», «Литературная домашность», *Эйхенбаум Б., Мой современник. Словесность. Наука. Критика. Смесь*, Л., Изд-во писателей в Ленин-граде, 1929.

² См.: Тынянов Ю., «Литературный факт», «О литературной эволюции», *Тынянов Ю. Н., Поэтика. История литературы. Кино*, М., Наука, 1977.

³ Томашевский Б., «Литература и биография», *Книга и революция*, 4 (28), 1923.

⁴ Лотман Ю., «Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора)», *Лотман Ю., Статьи по семиотике и типологии культуры*, Таллинн, Александра, 1992, Т. 1, 368.

удовлетворяется делением на две роли – «столичный поэт» и «провинциальный гений».

Именно поэзия В. Кальпиди дает интересный пример того, каким образом может трансформироваться биографическая легенда персонажа лирической эпохи.

В 2000 г. появился сборник Кальпиди «Запахи стыда». Он состоит из двух частей – желтой и черной «записей». В небольшом вступлении автор объясняет такое построение сборника: *Техника написания была проста. Записывался текст, а потом по очень и не очень горячим следам делалась перезапись. Так я и называл стихи в процессе работы: «запись» и «перезапись»⁵*. Таким образом, часть входящих в обе «записи» стихов обладает общим названием: «Спина», «И плавала Офелия», «Ореховый старик и девушка вблизи», «Песок и пыль», «Вампиры позорной Челябин», «Косоглазие травы/воды», «Неблагодарность», «Подружка Хлестаков». С точки зрения воспроизведения и трансформации биографического текста, нас будет интересовать, прежде всего, «Ореховый старик и девушка вблизи».

В этой «двойчатке», как ее назвал бы Мандельштам, герои–любовники почти не говорят, их партии отсутствуют. Есть повествователь, чей текст строится то как обращение к старику, то как отчет наблюдателя и его автокомментарий. Старику принадлежат три стиха в черной записи и один истошный крик в желтой:

---

⁵ Здесь и далее тексты В. Кальпиди приводятся без дополнительных сносок по электронному изданию: <http://rema.ru:8101/poems/proekt/kalpidi2.htm>.

[...]
и очень несмелый, шипишь про любовь:
«... нечистого хлеба наживку,
хватая которую чувствуешь кровь,
по венам бегущую жидко».

(черная запись)

Почто седьмая страсть, закрученная в
чудо,
Его сжимает так, что он готов визжать:
«Ой, мамочка, прости, я больше так не
буду!» –
хотя ему давно никто уже не мать?

(желтая запись)

Девушка говорит значительно страннее: ей отданы две строфы, а по отмеченному пропуску в одной из строф можно предположить, что ее монолог длится гораздо (несколько) дольше:

«Твой скучный Федор Т. – трусливая
мочалка
совсем не потому, что в старческой
любви
он увидел позор, а потому что жалко,
что ты ему, козлу, поверив, – на мели,
с горохом на бобах, с пустой мошонкой
сердца
останешься один [...] Мой милый серый
дед,
не бойся, я смогу и на полу рассестись,
и письма разбирать, и первой сдохнуть.
Нет?»

В единственную реплику девушки в желтой записи включаются цитаты из двух текстов Тютчева: «Она сидела на полу...» (1858, *Она сидела на полу / И грудю писем разбирала* [...]) и «Когда дряхлеющие силы...» (1866, [...]) *И старческой любви позорней / Сварливый старческий задор*). На фоне биографической легенды Тютчева (Старик и его юная возлюбленная) эти тексты сливаются, и восемь стихов воспринимаются как сольная партия условной «юной возлюбленной», хотя

первое стихотворение Тютчева имеет отношение к его супруге Эрнестине, а второе – стихотворная медитация, написанная через два года после смерти Денисьевой. Других цитат из Тютчева в тексте Кальпиди, судя по всему, нет. Но стоит отметить, что стихотворные «сиамские близнецы», как их называет Кальпиди, также являются одной из основных особенностей тютчевской поэтики, на которую в терминах стихов–«дублетов» уже давно обратил внимание Лев Пумпянский⁶.

Каким образом можно интерпретировать включение цитат из Тютчева, помимо того, что тютчевский биографический текст создает фон, на котором читается история «орехового старика и девушки вблизи»?

Для этого имеет смысл попытаться понять, на каких правах, помимо собственно цитирования, *тютчевский текст* присутствует в тексте Кальпиди, какова его функция. Предварительно следует оговорить, что *тютчевский текст* – это совсем не *текст Тютчева*, а то, что носитель культуры воспринимает как связную (верно или неверно – не релевантно) информацию, совокупность знаний, имеющих отношение к персонажу культуры по имени Тютчев. *Текст Тютчева* – это тексты, авторство которых принадлежит Ф.И.Тютчеву (1803–1873). В создании *тютчевского текста* на равных участвуют школьные учебники, сплетни, анекдоты, хрестоматийные стихи из текста Тютчева, его репутация и пр. И если

обсуждавшаяся формалистами, а также Лотманом и Успенским «литературная личность» является, прежде всего, фактом стиля и литературы, то *тютчевский* или *чей-бы-то-ни-было текст* является фактом культуры. В этом смысле сегодня существуют *сорокинский* и *могутинский тексты* как факты культуры, но не их литературное лицо.

Так понятый *тютчевский текст* сжато присутствует в тексте Кальпиди – общая легендарная ситуация вместе с оценкой Федора Т. и ссылками на стихи без различия того, в какой степени они поддаются связной интерпретации в пределах *текстов Тютчева* (как уже упоминалось, время написания и адресаты цитируемых стихотворений различны). В рамках *тютчевского текста* Тютчев сам становится персонажем и утрачивает имя: «скучный Федор Т.» – *некий*, почти *анонимный* производитель текстов. Текст же Кальпиди становится при этом элементом *тютчевского текста*.

Но функционирует по правилам *текста Тютчева*. И на этом следует остановиться особо.

Здесь имеется в виду то, что в стихотворениях Кальпиди используются приемы, излюбленные Тютчевым: фрагментарность, повествование от третьего лица или обращение, перебивы повествования автокомментарием, высочайшая степень рефлексивности. Показательным примером может служить стихотворение «Весь день она лежала в забытьи...» (1864), участвующее в создании *тютчевского текста*. Две последние строфы демонстрируют спонтанность и недремлющую рефлексивность на пике горя (ремарка в скобках, пропуск момента смерти и курсив):

---

⁶ Пумпянский Л. В., «Поэзия Ф.И.Тютчева», Пумпянский Л.В., *Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы*. Москва, Языки русской культуры, 2000, 220.

«Сиа́мские близнецы» Кальпиди показывают, что в проблеме присутствия биографии литератора в его собственном тексте и текстах других авторов можно выделить дополнительную составляющую: *авторский текст*, в тех случаях, когда автор X становится персонажем данной культуры. При этом резервуаром, в

котором черпаются средства для его формирования, могут оказаться *тексты X*, в качестве набора как цитат, так и поэтических приемов. С их помощью могут развиваться или формироваться с нуля элементы *авторского текста*, отсутствующие или ослабленные в *его текстах*.

„NUOBODUSIS FIODORAS T.“

Natalija Arlauskaitė

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjamas santykis tarp „Tiutčevo teksto“, kaip jo kūrybos visumos, ir „tiutčeviškojo teksto“, kaip jo

nusistovėjusio kultūroje įvaizdžio, Vitalijaus Kalpidžio eilėraščio „Riešutinis senis ir mergina šalimais“ pagrindu.

Получено: 2004, май

Принято: 2004, май

Адрес автора:

Вильнюсский университет

Кафедра русской филологии

ул. Университето 5

01513 Вильнюс

E-mail: Natalija.Arlauskaite@flf.vu.lt